

А.Б. Свирин

Экспедиция к предкам

Книга знаний пятая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
А11

А11 **А.Б. Свирин**
Экспедиция к предкам: Книга знаний пятая / А.Б. Свирин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 112 с.

ISBN 978-5-458-26866-0

5-томная серия "Книга знаний", написанная Александром Борисовичем Свириным (первые два тома - в соавторстве с Михаилом Юрьевичем Ляшенко) является классикой отечественной научно-познавательной литературы. Написанные в легкой и увлекательной форме, книги Свирина помогли ни одному поколению еще советских школьников приобщиться к познанию тайн и загадок окружающего мира. Эта книга похожа на игру, где есть и приключения, и фантастика, и научные открытия, и дружеское общение, куда авторы вовлекают юного читателя. Экспедиция к предкам - пятая книга серии.

ISBN 978-5-458-26866-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Если бы!.. Специалисты, однако, считают, что его зубы могли так стереться и разойтись лишь при одном условии: если Шанидар что-то носил в них или помогал себе ими в какой-то работе... Это предположение подтверждается тем, что у найденного скелета не хватает кисти и предплечья правой руки.

— Ну,— сказал Каген,— за пятьдесят тысяч лет и не то могло потеряться!

— Нет... Плечевая кость, лопатка и ключица левой верхней конечности опровергает это. Они лучше развиты, крупнее и крепче, чем такие же кости справа. Значит, почти всю свою жизнь этот человек пользовался, в основном, только левой рукой. Правой у него не было, это ясно! А теперь подумайте вот над чем. Охотничья орда не имела возможности охранять своих стариков и кормить калек. В то время человек, который не мог самостоятельно выследить и убить зверя, неминуемо должен был погибнуть. Совершенно так же, как погибает искалеченный или ослабевший от старости волк. А Шанидар выжил. Как? Почему? Невроятный, загадочный, необъяснимый случай!.. Может быть, разгадка в зубах?.. Не знаю!

— А если ему все-таки кто-нибудь помогал? — несмело предположила Нкале.— Может быть, у него была дочка, которая его жалела?

— Докажите это, и вы перевернете все наши представления о неандертальцах. Современная наука считает, что в ту эпоху люди еще не были способны на такие чувства. Угроза голодной смерти вынуждала их порой даже поедать своих стариков и больных...

— Бррр!..— передернула плечами Нкале и решительно направилась к пневмокапсуле.

— Нет-нет!..— Главный поспешно преградил ей дорогу.— Сначала я должен проверить вашу морально-психическую готовность к предстоящей встрече. Дело в том, что по сравнению с современными людьми неандертальцы имели еще недостаточное умственное развитие и не вполне сформировавшуюся нравственность. Я со всю серьезностью должен предостеречь вас от дурного влияния с их стороны... Вы понимаете? Старайтесь как можно больше общаться друг с другом...

— А песни и танцы у них уже были? — спросила Нкале.

— В зачатке, вероятно, да...— Главный вдруг с подозрением посмотрел на нее.— Уж не собираешься ли ты перенимать у них...

Мне стало не по себе. Сейчас он скажет, что наша морально-психическая подготовка не годится для встречи с неандертальцами! Но Академик сорентировался еще скорее.

— Конечно же! — воскликнул он.— Чтобы

убедиться, как далеко современный человек ушел от своих первобытных предков, наши гости должны видеть все!..

— Ты это хотела сказать? — Главный вроде бы сомневался.

— Это самое! — с готовностью подтвердила Нкале.— Мы же с другой планеты.

Пронесло!.. Главный перешел к пультам.

Прозрачный колпак пневмокапсулы откинулся кверху, как створка раковины. Переступив через низкий борт, мы заняли свои места в креслах. Никаких приборов, рычагов или кнопок внутри пневмокапсулы не было — все управление находилось на пульте Главного Диспетчера.

— Завершить облачение! — негромко сказал Главный.

Точно смоделированный по величине и форме моего черепа шлем легко опустился вместе с укрепленной под ним портретной маской. Тонкая, просвечивающая, как персиковая кожура, пленка коснулась моего лица, вплотную прильнув к нему незримыми датчиками. Я их даже не ощутил. Нкале и Каген тоже заканчивали облачение. Только профессор отстал от нас. Он забыл предварительно снять очки и теперь вытаскивал их из-под маски, чтобы водрузить сверху. Пока он занимался этим делом, мы успели немного погримасничать друг перед другом, восхищаясь тем, как точно маски копируют мимику наших лиц.

— Все! — совладев, наконец, с очками, объявил Академик.

— Счастливого пути! — пожелал нам капитан Лендед.

— Старт!

Колпак опустился. Панель задвинулась. Свет потускнел и погас. Мы почувствовали, как пневмокапсула начала набирать скорость. Но определить, в какую сторону она двигалась, я не мог. Даже способность видеть в темноте не помогла мне ориентироваться в этом странном движении. Только стремительное пощелкивание бесчисленных контактов, напоминающее стрекот африканских цикад, заполняло слух. Внезапно все мое тело пронзило ощущение, похожее на то, какое бывает на языке, когда пьешь газировку. Через секунду оно прошло. Я понял, что в этот момент между живыми нервными клетками моего головного мозга и электронной схемой Системы замкнулись связи, превратившие нас в одно целое...

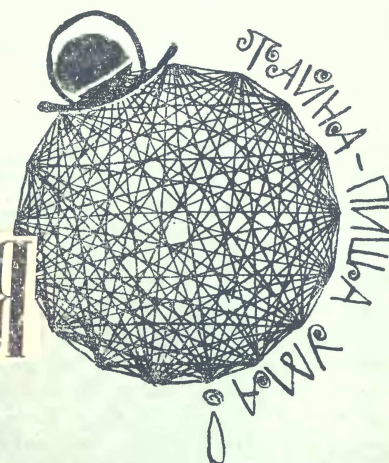
Я посмотрел на свое запястье. Светящийся циферблат таймера вращался с такой скоростью, что разглядеть его показания не было никакой возможности... «Не меньше тысячи оборотов в минуту!» — подумал я.

Машина Времени уносила нас в прошлое.

«Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком,
Предсказывающим назад»...

(Б. Пастернак)

ПОСТУЛАТ — научное предположение, которое считается правильным, потому что выглядит самоочевидным... Если постулат удастся доказать — он делается научным ЗАКОНОМ. Если его удастся опровергнуть, он перестает существовать.

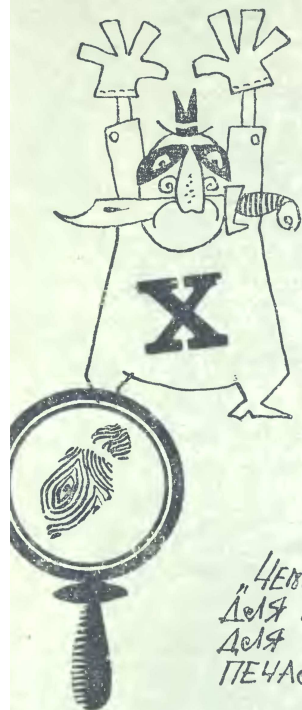
Миллиард — это очень много.
Миллиард минут — это почти 2000 лет!

ТЕТРАДЬ

ЩУЧЬЯ

для.....
учени..... класса.....
..... школы.....

Виктора Рубинкина

Чем столетие лучше
для историка, тем
для современников
печальней!..
/ Н. Глазков /

НАШИ СТИХИ О ТОМ, ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК — ЧАРЛИ

Когда был Чарли обезьяной,
Он обезьяной был престранной —
Чего никто не мог — он мог!
Он с палкой по лесу бродил,
И «котелок его варил» —
Дай бог!..

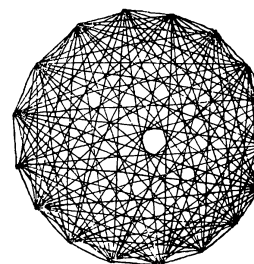
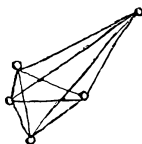
Извилины в его мозгу
Свивались в дивную дугу
От умственной работы.
Кричала вся его родня:
— Не лезь к огню! Не тронь огня!
Погибнешь от него ты!

Дым лез ему и в рот и в глаз,
Не раз, а может, тысячу раз
Упряма обжигало...
А все ж он совладал с огнем
И вкусный суп сварил на нем
Из чеснока и сала!

Он мясо ел, ел дикий лук,
Из гибкой ветки сделал лук,
И из другой — стрелу...
И глиной, рыжей, как закат,
Он 30 000 лет назад
Разрисовал скалу!..

Он честным был, и добрым был,
И верил в справедливость...
Но под влиянием внешних сил
Все это исказилось.

1. В головном мозгу человека ученые насчитывают почти 17 миллиардов маленьких серых клеток. С их помощью человек воспринимает все, что делается вокруг, думает и запоминает.

В головном мозгу самой развитой человекообразной обезьяны таких клеток приблизительно 5 миллиардов.

Значит ли это, что человек всего только в три с половиной раза умнее гориллы или шимпанзе? Нет, не значит!.. Потому что дело не только в числе серых клеток, но и в количестве тех связей, которые могут между ними возникнуть. Там, где появляются такие связи, происходит передача сигналов, совершается обмен сведениями между клетками и возникает мысль.

Чтобы это понять, построим модель. Нарисуем 5 точек. Допустим, что это — обезьяний мозг и каждая точка соответствует одному миллиарду клеток. Соединим каждую с каждой. Сколько получится связей? Легко убедиться — десять.

Теперь перейдем к человеку и построим модель на 17 точек. Сколько линий можно провести между ними? — 138!...

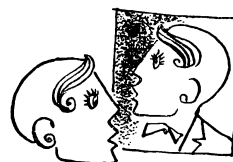
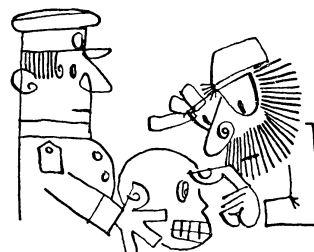
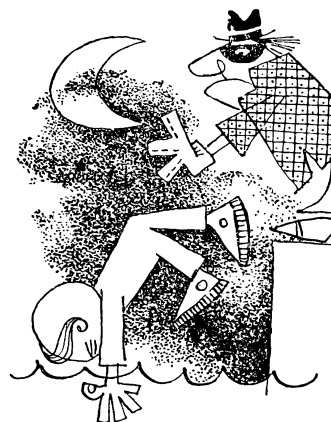
Учтите, в этих моделях мы вместо каждого миллиарда точек рисовали только одну. И попробуйте теперь прикинуть — во сколько раз человек должен быть умнее шимпанзе или гориллы, если он правильно использует свои серые клетки.

2. Находчивая человекообразная обезьяна может при случае пустить в дело подобранный на земле камень или древесный сук. На этом ее таланты кончаются. Заострить камень или обтесать сук обезьяна не может. Для такого замысла у нее не хватает связей между серыми клетками. Да и лапа обезьяны не справилась бы с такой работой.

Другое дело человек — существо, которое могло уже сознательно обколоть камень, чтобы его острием выковыривать съедобные корни, проламывать черепа своим противникам, обрубить ветви. Вот чем человек Чарли отличался от обезьяны. Ведь он самостоятельно изготовлял полезные для себя орудия — значит, трудился! А способность «обезьяничать» — ИНСТИНКТ ПОДРАЖАНИЯ — достигал у него просто невероятного совершенства. Всякий полезный опыт одного Чарли немедленно перенимали все другие. Так они учились друг у друга и учили своих детей. Их знания, умения и опыт непрерывно росли. А потому нарастала и потребность в обмене различными сведениями — ИНФОРМАЦИЕЙ. И у человеческого существа начала развиваться речь — Чарли заговорил. Вывод: ТРУД СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕКА.

3. Михаил Михайлович Герасимов был профессором Московского Государственного Университета. Он был антрополог и скульптор. Накладывая пластилин на лицевые кости окаменевших черепов первобытных людей, он создавал их портреты... Но было ли сходство?..

Однажды милиция доставила Герасимову череп какого-то утопленника, на котором не было уже ни кожи, ни мяса. Наложив на него пластилин, Герасимов сделал скульптурный портрет. Его сфотографировали. Снимок оказался совершенно похожим на фотографию одного человека, который исчез более года назад и которого разыскивала милиция!.. Так, благодаря ученому, было раскрыто преступление. И никто больше не сомневался в сходстве настоящих первобытных людей с теми скульптурами, которые лепил Герасимов...

4. Развитию Чарли очень помогало то, что, в отличие от обезьяны, он хотел мяса. А мясо, как вы понимаете, само в руки не шло. Его приходилось добывать силой, хитростью. Обезьяна, например, при виде пещерного медведя улепетывала со всех ног. А Чарли, хоть и боялся, но все равно не мог допустить, чтобы все это великолепное мясо гуляло зря на своих четырех ногах, в то время, как он, бедняга, его подруга и их детеныши хотят есть. Приходилось «шевелить мозгами», придумывать, как этого медведя взять, вступить в борьбу.

5. Постоянная работа развивала в неуклюжей руке первобытного человеческого существа гибкость, силу и чувствительность пальцев. И тут, обратите внимание, отсутствие когтей оказалось очень полезным. Ведь когти мешали бы и работе, и развитию осязания. А ногти обламывались и не мешали.

6. Первые, кое-как обколотые камни, которыми Чарли разбивал щиты черепах и кости животных, ученые называют ударниками. Минуты сотни тысяч лет, прежде чем он перешел к рубилам — камням с неровными, но уже специально заостренными краями. Постепенно он научился отщеплять от камня тонкие, острые, как лезвие бритвы, пластинки, шлифовать камень, пилить его и просверливать в нем отверстия. Все это были величайшие открытия и достижения. Так, одно за другим, появлялись новые каменные орудия: скребки для обработки шкур, ножи, наконечники для копий и стрел, резцы и, наконец, насаженный на рукоятку каменный топор... От ударника до топора прошло около миллиона лет!

А вот деревянные орудия первобытных людей до нас не дошли. Дерево не камень — оно давно сгнило.

7. АНТРОПОС по-гречески — человек. ЭТНОС — племя, народ. АРХАИКА — старина, древность. ЛОГОС — наука.

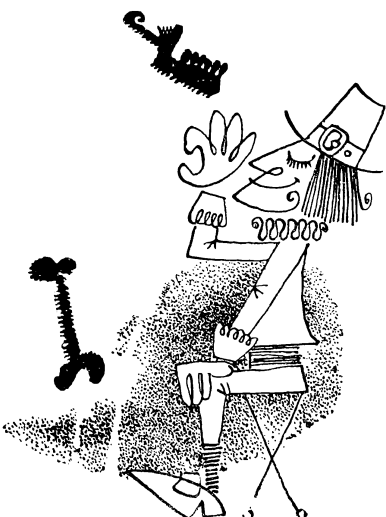
Завеса тайны скрывает древнюю историю человечества. Чтобы поднять эту завесу, ученые трех профессий помогают друг другу. АНТРОПОЛОГИ исследуют окаменевшие кости древних людей. ЭТНОГРАФЫ изучают хозяйство, быт, обычаи и обряды тех народов, у которых и сейчас еще сохранились почти что первобытные условия жизни... АРХЕОЛОГИ — ведут раскопки... Раскопаны стоянки первобытного человека... Раскопаны города, в существование которых никто не верил... Прочтены загадочные иероглифы на каменных плитах и клинописные знаки на глиняных плашках, обнаружены удивительные произведения зодчества, живописи и скульптуры... Вот почему наш век называют иногда веком Великих Археологических Открытий. А Ленкин дед так прямо и говорит, что, по его мнению, археология — это настоящая Машина Времени.

8. Одним из первых человеческих существ на нашей планете считается тот, кости которого были найдены в Африке, в диком, совершенно безводном ущелье Олдовай, неподалеку от горы Килиманджаро. Двое английских ученых — Луис Лики и его жена Мери — раскопали там не только кое-какие кости этого существа, но и самые первые сработанные им каменные орудия. И еще там нашли несметное количество осколков от панцирей пресноводных черепах. Что это означает? А то, что больше миллиона лет назад на месте Олдовайского ущелья были озера и болота. Человеческое существо, которое скиталось по их берегам, ловило черепах, дробило панцири камнем, съедало мясо... Вот Лики и назвали этого Чарли — Гомо габилис, что значит — Человек умелый. Росту в нем было чуть больше метра. По своему внешнему виду он мало чем отличался от обезьяны. Зато мозг его весил уже вдвое больше, чем обезьяний — целых 700 граммов!

9. В 1894 году голландский ученый Эжен Дюбуа, производивший раскопки «в обезьяньем царстве» на острове Ява, наткнулся на удивительную находку. Это лишний раз доказывает — если хочешь что-то найти, надо знать, где искать. Так вот, Дюбуа нашел неизвестный еще науке почти что обезьяний череп и рядом почти что человеческое бедро! Дорисовали недостающие части скелета и получили «обезьяночеловек» — питекантроп. Рост — 170 сантиметров, вес мозга — 900 граммов...

Жил он примерно на миллион лет позже, чем тот, который получил кличку Гомо габилис.

ПРИМЕЧАНИЕ. Питек — обезьяна.

МИФ О ПРОМЕТЕЕ

Разные захватывающие истории про дела богов, которых придумывал, Чарли, называются мифами.

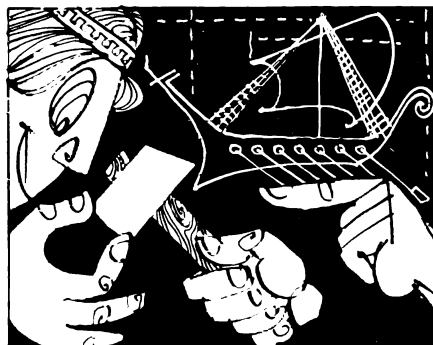
Древние греки считали, что их боги живут на вершине горы Олимп. Там поначалу среди этих богов происходила ссора за власть. Коварные интриги, подлое вероломство, чудовищные побоища — все было.

Прометеем люди, и ему было ясно — если их отпустить без ничего, они погибнут. И Прометей решил их спасти.

Он отправился на Олимп и утащил оттуда божественный огонь для людей.

Заодно он по-быстрому научил их разным ремеслам, строительству кораблей,

Прометей торопился выполнить все, что задумал — он знал, что Зевс этого так не оставит.

И правда, едва Зевс узнал, что Прометей поделился божественным огнем с жалким, смертным человечком, ярость его не имела границ. Он немедленно приказал своим вер-

ным слугам — Силе и Власти — схватить Прометея и навечно приковать цепями к скалам Кавказских гор в самом безлюдном месте на берегу Черного моря. И еще он велел вбить

Нет!.. Прометей не склонил головы, не признал себя виновным. И запретил другим богам просить за него. Истерзанный, весь в крови, гордый титан велел передать Зевсу, что готов терпеть эту вечную муку, но никогда не пойдет в холуи к Громовержцу!.. Великий ученый-революционер Карл Маркс считал миф о Прометее самым прекрасным из всех мифов, а Прометея самым замечательным из всех героев. Потому что в этом мифе люди воплотили свою любовь к свободе и справедливости.

Шесть столетий мучился Прометей в своих цепях, пока не пришел к нему великий

древнегреческий герой — Геракл. Геракл убил орла, вытащил из груди Прометея железный шкворень и

11. Ленкин дед, Александр Петрович, носит на пальце черное железное кольцо с зеленым камнем. Он говорит: «Это в память о Прометее!..»

которые ему наготовил его сын Гефест — друг Прометея и кузнец по профессиям.

Теперь, когда на Олимпе воцарился мир, боги могли уделить внимание другим делам. Зевс вызвал Прометея и поручил ему и его брату Епиметею распределить между всеми живыми существами на Земле различные способности и полезные для жизни свойства. К несчастью, Прометей недосмотрел, а Епиметей просчитался и, когда очередь дошла до людей, выяснилось, что на их долю ничего не осталось.

Ну, в конце концов, победу одержал Зевс-Громовержец, которому помог его дальний родственник — молодой титан Прометей. Так

Зевс стал главным над всеми другими богами. Свой авторитет он поддерживал с помощью молнии,

Ни когтей, ни клыков, ни крыльев, ни копыт, ни теплой шкуры...— все раздано!

Голые, босые и беззащитные стояли перед

земледелию,

арифметике и письму.

в грудь Прометея железный шкворень. И кто, по-вашему, должен был это сделать? Друг Прометея — Гефест!.. И Гефест сделал... Ну да, он не посмел ради дружбы с Прометеем пойти наперекор воле Зевса.

Он лучше пошел наперекор своей совести!.. Так в мифах о богах отражались те отношения, которые были среди людей — ведь многие в то время пресмыкались перед теми, кто имел власть и силу.

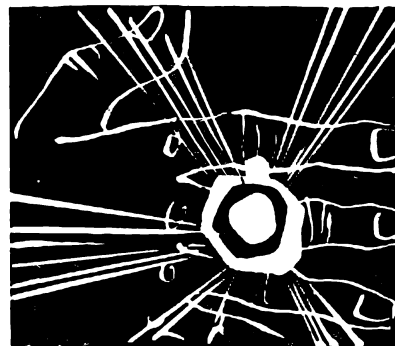
Умереть Прометей не мог. Он сам происходил от богов и обладал бессмертием. Но легче ему от этого не было. Тем более, что Зевс наслал на него орла, который каждый день летал к скале и с утра до ночи рвал когтями и клювом печень прикованного титана. Зевс надеялся, что Прометей не выдержит мук и начнет молить о пощаде.

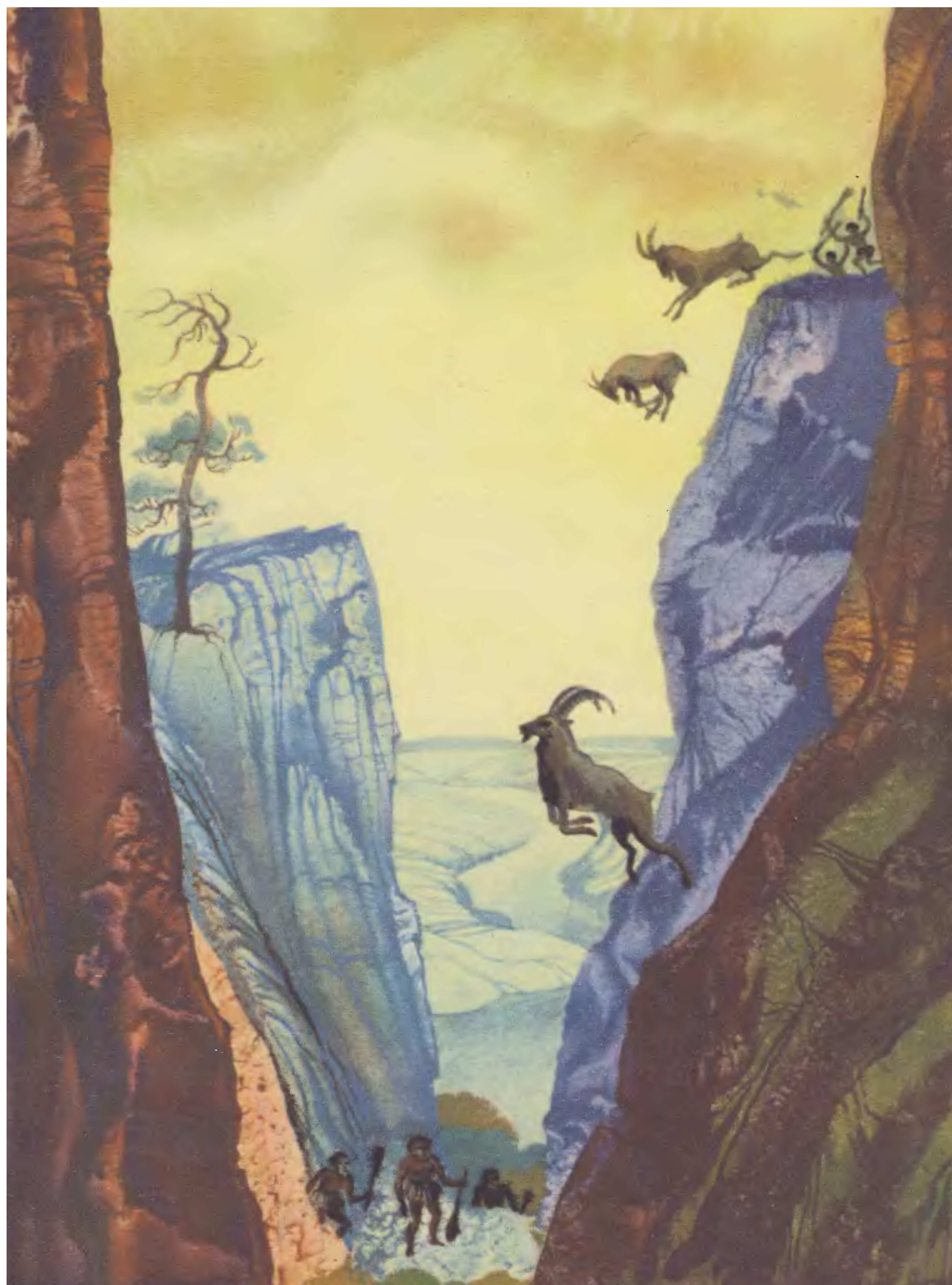
освободил титана. Но даже он не мог отменить приговор Зевса. И потому на одном пальце у Прометея

осталось кольцо от цепи с прикованным к нему обломком скалы...

В память об этом и возник якобы обычай носить кольцо с камнем в оправе...

ГЛАВА ВТОРАЯ, начало которой с научной точки зрения не выдерживает никакой критики, но зато другая ее половина — охота на кинков — вполне достоверна. Исчезновение Кагена

Порыв ветра коснулся моего лица. Тьма рассеялась. В просвете густой листвы косо метнулось голубое небо. Сладкий запах переспелых плодов защекотал ноздри. До слуха донесся хриплый звериный рев, тут же перешедший в какие-то тревожные возгласы и нечленораздельное бормотание. Было похоже, что животное, издававшее эти звуки, безуспешно пытается подражать голосу человека.

Ни кресла, в котором я только что сидел, ни самой пневмокапсулы больше не было. Под ногами у меня пружинил толстый слой опавших листьев, а у самых глаз раскачивалась усеянная фиолетовыми цветами ветка дерева. Я потянулся к ней. Миг — и все вдруг опять заволжало темнотой...

В беспросветной черноте крест-накрест полыхнули две ослепительно белые молнии. Они озарили все вокруг, но не погасли, а словно бы растворились в ярком свете тут же наступившего дня. Сильный запах гари и опаленных перьев забивал дыхание. В глазах плясали алые языки пламени, охватившие расколотый ствол огромного дерева. Косматое обезьяноподобное существо, сгибаясь почти до земли, неуклюже бежало через поляну, на ходу пожирая обгорелую птицу.

— Началось! — услышал я восторженный голос Нкале. — По-моему, мы заходим к неандертальцам со стороны их предков!..

Я оглянулся. Нкале и Каген стояли в двух шагах позади меня. Солнечные блики переливались на их белых шлемах.

— А где Александр Петрович? — спросил я.

Мы растерянно смотрели друг на друга и озирались по сторонам. Академикова нигде не было. И горящее дерево куда-то пропало. Перед нами синело озеро. Мы стояли над ним на краю небольшого песчаного оползня, а чуть ниже, почти у самой воды, сидело совершенно голое человекообразное существо. Оно сидело на корточках, повернувшись к нам сутулой черноволосой спиной. В его правой руке был зажат круглый камень, которым оно старалось раздробить выпачканную землей розовато-белую кость. С концов кости свисали обрывки свежих окровавленных сухожилий. Как только кость лопнула, существо с жадностью начало высасывать мозг из ее осколков. При этом оно боком повернулось к нам, и мы увидели

полузвериное, обросшее длинной шерстью лицо с оскаленными, как у гориллы, клыками, низким покатым лбом и...

— Ой!.. — не своим голосом взвизгнула Нкале.

Если бы я не видел, как исказилось лицо Кагена, если бы не чувствовал, как дрожит Нкале, я бы решил, что схожу с ума... На хищной перепачканной кровью морде, под нависающими надбровными дугами, сверкали очки профессора Академикова!

— Оно пожирает Ал-лерсканда Пп-перловича! — заплетающимся языком пролепетал Каген.

— Как, как ты меня назвал?.. — знакомый насмешливый голос прозвучал у меня над ухом... — Кто это меня пожирает?

Наш ученый друг стоял позади нас, спокойно протирая очки.

Не в силах произнести ни слова, я мотнул головой в ту сторону, где только что плескалось озеро. Ни озера, ни того... странного!..

Далеко внизу простиралась заросшая густым лесом горная долина. Под нашими ногами был крутой каменистый склон, поросший цветущими кустами шиповника. С одной стороны склон отвесно обрывался в долину, с другой переходил в хаос громоздящихся друг над другом великанских утесов. Над отдаленной снеговой вершиной в прозрачном утреннем небе кружил орел...

— Ну вот, мы почти на месте... — как ни в чем не бывало сказал Александр Петрович. Он небрежно бросил взгляд на свой таймер, — 50 тысяч лет до нашей эры, прошу проверить! Остается найти пещеру, в которой живет Шанидар... Пошли!.. — Академиков решительно двинулся вдоль склона к темнеющему впереди входу в ущелье.

Происшествию с очками он, очевидно, не придавал никакого значения. Или, наоборот, придавал! Но хотел отвлечь от него наше внимание, чтобы не лаять объяснений... Только он недооценил Кагена!

Едва мы сделали несколько шагов вслед за Александром Петровичем, Каген заставил нас немного отстать.

— Слушайте, — страшным шепотом сказал он, — я все понял. Система что-то напутала в начале программы. Это был сам Александр Петрович, только превратившийся в своего первобытного предка!

— Вот еще! — возмутилась Нкале. — Почему это именно он превратился в своего предка, а мы нет?

— Не догадываешься? — Каген снисходительно усмехнулся. — Он кто? Он — обыкновенный земной человек! А мы — пришельцы с другой планеты. О наших предках Система ничего не знает!..

Каген был так доволен своей догадливостью, что чуть было не перешагнул через край обрыва.

Поразительное открытие Кагена совершенно ошеломило меня. «Что будет, если искажение коснулось не только начала программы? В каком еще виде появится перед нами профессор?» — думал я, с опаской наблюдая за Александром Петровичем. Он шагал впереди меня, выбирая путь среди скал. За моей спиной слышались возбужденные голоса Нкале и Кагена. Занятый своими мыслями, я не прислушивался к тому, о чем они говорили.

Склон розовел цветущими кустами шиповника. Зеленовато-бурые ящерицы сновали в редкой траве между камней и блаженно грелись на солнышке, щуря круглые птичьи глазки. В голубом небе проплывали пушистые белые облака... Если бы я не знал, что Машина отнесла нас на целых 50 тысяч лет назад, в далекое прошлое этой планеты, я бы сказал, что ландшафт не представлял собою ничего особенного. А между тем чего-то мне не хватало. Но чего?.. И вдруг до меня дошло!

— Почему ты остановился, Тькави? — удивленно спросила Нкале, поравнявшись со мной. — Что-нибудь потерял?

— Так, — ответил я, — пустяки... Ты не знаешь, где наши тени?

— Дома!.. — небрежно сказал Каген, подходя к нам. — Хочешь опыт?

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед к маленькой хохлатой птичке, которая чирикала среди камней, доверчиво поглядывая в нашу сторону. Птичка и не думала улетать — она не боялась.

Внезапно Каген занес ногу и наступил на пичугу...

Бац!.. От моего толчка Каген отлетел в сторону и, не удержавшись на ногах, нырнул головой в пышно разросшийся куст шиповника.

— Настоящий булыжник! Пень!.. — кричал он мне оттуда. — Темный неандерталец! Я имею в виду тебя!..

Хохлатая пичуга как ни в чем не бывало беззаботно подпрыгивала на своих тонких ножках, чирикая во все горло.

Еще ничего толком не понимая, но уже догадываясь кое о чем, я провел рукой поперек куста. Рука почувствовала прикосновение ветвей, но они не задержали ее. То ли она прошла сквозь ветви, то ли они сквозь нее — решить было невозможно. Во всяком случае, глядя на

землю, я видел тень куста, через который пронес руку, и не видел тени своей руки.

— Мы ничего не можем изменить в этом мире, — сказала Нкале. — Даже сорвать цветок...

— Ни-че-го! — делая вид, что боится подойти ко мне, подтвердил Каген. — Мы видим и чувствуем все, а нас ни увидеть, ни почувствовать никто не может. Это потому, что Система действует в обход Постулата Причинности! Понял?

Академикова издала махал нам рукой. Он успел довольно сильно опередить нас и теперь стоял на выступе скалы перед входом в ущелье. Мы поспешили присоединиться к нему. Дальше дороги не было. Скалистый выступ, словно балкон, нависал над бездной. Метров на триста ниже нас, в темной глубине пропасти, грохотал и пенился бурный горный поток. Уходящие круто вверх, обнаженные скалы громоздились над нами.

— В этих местах часто бывают землетрясения, — пояснил Александр Петрович.

Он указал на противоположную сторону пропасти, где несколько вывернутых с корнями и уже засыхающих сосен свисали над бездной. То здесь, то там из-под навала камней виднелись ободранные ветви и корни. Две половины расщепленного во всю длину дерева медленно раскачивались на ветру, образовав треугольную арку над разделившей их трещиной в скале.

— Спустимся вниз на крыльях, — предложил Каген. — А там...

Он осекся, не окончив фразы.

Надрывный раздирающий уши звук внезапно потянул окрестности, отразился в ущельях и поплыл над горами перекатами постепенно стихающего многоголосого эха. Горы выли, всхлипывали и хохотали. Ни источника звука, ни места его возникновения мы не могли определить.

— Если бы не эхо, — начал я, когда звук утих, — мы бы...

Александр Петрович приложил палец к губам. Я замолчал.

Сгрудившись на своем балконе, мы затаив дыхание ждали повторения странного звука. Но ничего, кроме грохочущего в глубине потока, не нарушало воцарившейся опять тишины.

Академикова перевел взгляд на противоположную сторону пропасти. Там, метров на сто выше нас, вздымался замшелый, похожий на крепостную башню, утес.

— Пожалуй, — нерешительно сказал Александр Петрович, — оттуда мы могли бы кое-что рассмотреть...

— Намек понят! — немедленно отозвался Каген.